

АРГУМЕНТАЦИЯ В ПРАВЕ И МОРАЛИ

Коллективная монография

Под ред. Е.Н. Лисанюк

УДК 316.2

ББК 60.51

А 79

Рецензенты

Тимошина Елена Владимировна — доктор юридических наук, Санкт-Петербургский государственный университет.

Суровцев Валерий Александрович — доктор философских наук, Томский государственный университет.

А 79 Аргументация в праве и морали. Коллективная монография / Под ред. Е.Н. Лисанюк. СПб.: ИД «Алеф-Пресс», 2018. 518 с.

ISBN 978-5-905966-86-6

В книге изложены результаты исследования проблемы корректности обоснования и эффективности убеждения в юридической и моральной аргументации, относящейся к сфере практической аргументации о действиях. Проблема обоснования и убеждения в праве и морали затрагивает моделирование, оценку, предметное наполнение и лингво-речевое оформление процессов и процедур аргументирования, специфических для права и морали и отражающих современное состояние исследований в области анализа аргументации и рационального поведения. Совокупность решений этой проблемы охватывает четыре ее аспекта: содержательный, процессуально-правовой, процедурный и когнитивный, и состоит в построении интегративных моделей аргументирования, обобщающих результаты из области теории аргументации, правоведения, этики, логических и прагма-риторических теорий, искусственного интеллекта и когнитивной науки. Предложенные решения проблемы обоснования и убеждения в праве и морали призваны продемонстрировать, каким образом рациональные агенты – участники судебных споров и нравственных дискуссий осуществляют аргументацию на практике, каковы критерии ее оценки, в чем заключается эвристическая и практическая ценность формальных методов ее моделирования, какую роль в ней играют когнитивистика и искусственный интеллект. Результаты исследований найдут применение в разработках электронных социальных сервисов (электронная демократия, электронное правосудие и т.п.), социальной информатике, будут способствовать повышению доступности юридических услуг, развитию гражданского общества, в особенности социальной ответственности граждан и институтов, упрочению традиционных для восточно-европейских обществ нравственных ценностей, могут быть использованы для научных исследований и в образовании.

В книге обсуждаются логические основания, формальные модели, когнитивные механизмы, прагма-риторические аспекты, а также история становления практической аргументации в области права и морали, представлен анализ реальных дел, включая резонансные (дело Брейвика, дело Маркина).

Монография адресована философам, правоведам, практикующим юристам, специалистам в области искусственного интеллекта, управления и менеджмента, а также широкому кругу заинтересованных читателей, желающих познакомиться с особенностями строения рассуждений и оценки аргументации в области права и морали, поведения рациональных агентов в условиях норм, историей становления правил и традиции моральной и юридической аргументации. Для чтения книги специальных знаний не требуется.

ББК 60.51

ISBN 978-5-905966-86-6

© ИД «Алеф-Пресс» СПб., 2018

Аргументация и нравственный конфликт*

Аннотация. В параграфе дается определение морального конфликта, а также основные аспекты структуры и типов нравственных конфликтов. Проведенный анализ основан на предложенном различении дескриптивного и прескриптивно-аксиологического определения нравственного. Сформулированы основные характеристики, показана специфика нравственного конфликта и его отличия от морально проблемных ситуаций морального выбора: моральные ошибки, моральные искушения, моральные затруднения, морально экстремальные ситуации. Выявлены нормативные основания возникновения и существования нравственных конфликтов, определены основные стратегии аргументации в нравственных конфликтах. В данном контексте в центре внимания оказывается вопрос об основаниях вариативности нравственности, то есть о существовании различных нормативных оснований нравственных поступков и отношений. Указывается важность понимания различий между типами моральных конфликтов. Развернуты структуры аргументации для ситуационного анализа морального конфликта, основания вычленения основных участников и способы аргументации их позиций. Рассмотрены моральные аргументы «от общего блага» (утилитаризм) и «от моральных прав» (деонтологический подход), описаны основные возникающие теоретические проблемы, связанные с нравственными конфликтами и особенностями аргументации при их разрешении. Показано, что данные этические концепции ограничивают друг друга, в связи с чем, они не могут рассматриваться как универсальные или предпочтительные, могут находиться в ситуациях нравственных конфликтов, предлагая несовместимые стратегии обоснования моральных решений, а так же дополняют друг друга, способствуя разрешению характерных для них внутренних противоречий, порождающие нравственные конфликты. Описаны основные факторы, которые требуется принимать во внимание при выработке стратегии принятия решения в ситуации нравственного конфликта. Особое внимание уделено специфике нравственных конфликтов между соизмеримыми, но нередуцируемыми совокупностями моральных норм и ценностей, сформулированы положения о причинах их рациональной совместимости и несовместимости, то есть, являются ли существующие между ними различия антагонистическими, ведущие к реальному, а не мнимому конфликту, проблемах их приоритетов, то есть, об основаниях для предпочтения и следования одним нормам и ценностям и игнорированию других. В качестве главного результата предложена процедура анализа и принятия морально обоснованного решения в ситуации нравственного конфликта.

Ключевые слова: нравственный конфликт, аргументация и обоснование морали, моральные нормы, утилитаризм, общее благо, деонтологический подход, моральные права.

* Подготовлено в рамках проекта РФФИ № 16-03-00388.

1. Постановка проблемы

Одной из существенных характеристик современного общества является многообразие исторически и культурно обусловленных жизненных стратегий («жизненных миров») социальных и индивидуальных субъектов, что выражается в плюралистичности мировоззрений, среди которых выделяются как морально отрицательные (осуждаемые/запрещаемые), так и положительные (одобряемые/поощряемые). При этом, даже признаваемые морально положительными множественные «жизненные миры» включают вариативные нормы и ценности, которые не приведены (и не могут быть приведены) в логически последовательную и непротиворечивую систему, исключая возникновение как нормативных конфликтов, так и конфликтов ценностей. Культурные, политические, экономические, социальные и т.д. противоречия в большинстве случаев осознаются в виде нравственных конфликтов, так как, с одной стороны, они воспринимаются субъектами через призму моральных представлений и убеждений, а их осмысление происходит в этических понятиях и категориях (справедливость, доверие, честность и т.д.), с другой — происходит столкновение собственно моральных норм и ценностей. В связи с этим, выявление специфики нравственного конфликта приобретает важное теоретическое и практическое значение.

2. Определения «нравственного»

Следует отметить определенные терминологические сложности, которые существуют в отношении использования ряда этических понятий. Прежде всего, это касается наиболее общих: «моральное», «нравственное», «этическое» и некоторые другие. Дело в том, что они используются в близких, но в некоторых контекстах в существенно различных смыслах.

Во-первых, речь может идти о дескриптивном (описательном, формальном и т.д.) смысле. В этом случае данные понятия очерчивают некоторую область человеческих поступков, поведения или отношений, которые обладают характеристиками, имеющие моральное (этическое, нравственное) значение. Если не большую, то, по крайней мере, значительную часть действий, которые совершатся, не имею морального измерения, то есть являются морально нейтральными. В этом случае выстраивается следующая дихотомия поня-

тий — моральное/внеморальное, нравственное/вненравственное, этическое/внеэтическое и т.д.

Во-вторых, эти понятия могут использоваться в прескриптивно-аксиологическом (содержательном, ценностном, нормативном и т.д.) значениях, когда речь идет о должных или одобряемых поступках, поведении или отношениях. При этом возникает иная дихотомия понятий — моральное/аморальное, нравственное/безнравственное и т.д. Соответственно, при употреблении в первом (дескриптивном) смысле такие явления как ложь, жестокость, поступки, унижающие других людей, являются нравственными (моральными, этическими) поскольку относятся к сфере нравственности. Если же говорить о словоупотреблении во втором значении, то все вышперечисленное относится к морально осуждаемым, то есть к аморальным и безнравственным поступкам. Проблема выглядит таким образом, что зачастую происходит если не путаница, то «смешение» этих значений. Так, когда говорят, что человек совершил «моральный поступок», то в большинстве случаев (и это характерно как для «обыденного» морального сознания, так и для многих теоретических этических рассуждений) вольно или невольно подразумевается, что речь идет морально положительном, добродетельном поступке, выражение «моральный субъект» чаще всего воспринимается именно как хороший в нравственном отношении человек.

Указанное различие между дескриптивным и прескриптивно-аксиологическим значениями является существенным и в отношении моральной аргументации. Использование прилагательного «нравственный» (моральный) означает, а) что речь идет о специфике обсуждаемых проблем, существующих именно в сфере нравственности, б) критериями принятия решения выступают именно моральные нормы и ценности. В связи с этим имеет смысл дать краткие и общие определения нравственности (в ее дескриптивном и прескриптивно-аксиологическом смыслах).

1. В дескриптивном (формальном, описательном и т.д.) значении нравственность можно определить следующим образом: Нравственность — исторически обусловленный способ ценностно-нормативного регулирования поведения людей в их отношениях к другим. Особенностью нравственности как социального регулятора является то, что в них сами отношения, а, соответственно, люди, существующие в них, как их творцы и порождения, выступают в виде осознанной цели этих отношений. В качестве кратких комментариев к данной формулировке имеет смысл отметить следующее. В жизни человека

и общества как на протяжении истории, так и на сегодняшний день происходят кражи убийства, люди обманывают и лгут, унижают и оскорбляют, наряду с этим они помогают друг другу, любят, проявляют уважение и солидарность, заботятся и т.д. Все это является неотъемлемой частью социальной реальности. В этом контексте «задачей» нравственности является определить, какие из этих форм поведения и отношений являются «правильными» для жизни, а возможно, и для самого существования человека и общества, а какие «неправильными». В первом случае, они оказываются морально одобряемыми (добродетельными в широком смысле этого слова) и, соответственно, предполагающими различного рода целенаправленные процедуры их поддержания и культивирования, во втором — морально недопустимыми (порочными), что предусматривает необходимость не только их осуждения, но и принятия мер по их недопущению, или, по крайней мере, минимизации. Следует отметить, что речь идет не только о моральном осуждении и нравственных средствах поддержания/противодействия каким-то явлениям жизни человека и общества. Учитывая взаимодействие и взаимопроникновение сфер общественной жизни, мораль «проникает» в другие социальные регуляторы. Так, например, право так же призвано регулировать поведение и общественные отношения, может быть не столько поощряя «достойные», сколько наказывая «недостойные» (по крайней мере, это наглядно видно в области уголовного права). Но в этом случае речь чаще всего идет именно о возможном моральном содержании права, о проблемах соотношения моральной и юридической справедливости, ответственности и т.д., что является частью не только теории, но и философии и этики права.

Указанное своеобразие нравственности наглядно проявляется в области прикладных этик. Так, например, политическая карта мира (как историческая, так и современная) демонстрирует примеры разнообразных политических режимов (демократии, автократии, деспотии, диктатуры, тоталитарные режимы и т.д.), способы решения политических конфликтов (войны, переговоры и т.д.), но именно политическая этика (даже если она является частью политической теории или философии) призвана определять какие из них являются «допустимыми», следовательно, нуждающимися в поддержке, а какие «недопустимыми», а значит, требующих принятия мер по противодействию им, что находит свое выражение в соответствующих политических практиках. В той степени, в какой политическую этику можно понимать не только в качестве теории, но и части практиче-

ской нравственной жизни, представления о моральной «допустимости» или «недопустимости», «одобряемости» или «порицаемости» тех или иных явлений становятся частью политической жизни, воплощаясь в решения и действия политиков в рамках соответствующих политических структур, институтов и общностей.

2. Прескриптивно-аксиологическое (ценностно-нормативное, содержательное и т.д.) определение нравственности, характерное для современного общества: Совокупность норм и ценностей, регулирующих поведение людей и обеспечивающих свободу, самоопределение и ответственность человека за собственное существование и жизнедеятельность, следовательно, и за существующую социальную реальность, частью которой он является. В качестве кратких комментариев следует выделить:

Во-первых, совокупность некоторых, условно говоря, «вне-исторических» характеристик нравственности в том смысле, что на протяжении всей истории человечества нравственным в положительном смысле считалось то, что способствует утверждению социальных взаимодействий как основания совместной деятельности и характеризует действия человека с точки зрения возможной самореализации, что, в свою очередь, связано с обеспечением того, что в предельно обобщенном виде может быть названо «фундаментальными жизненными благами», например: жизнь, телесное и душевное здоровье, познание и самопознание, общение, эмоциональные переживания и т.д. Другое дело, что у всего этого в различные исторические периоды и в разных культурах существовали разные приоритеты и содержательные смыслы. Одни и те же формулировки нравственных предписаний наполнялись различным содержанием в зависимости от тех условий социально-культурного бытия, в которых осуществлялась человеческая жизнедеятельность. Но, будучи сформулированными в виде нравственных (т.е. во всеобщей и универсальной форме; иными словами, с претензией на применимость «для всех времен и народов»), они переживали и переживают породившую их историческую эпоху в различных возможных вариантах:

- а) полностью сохраняя старое содержание;
- б) «переинтерпретируя» старое содержание, т.е. когда ему придается новый смысл, тем самым происходит адаптация предшествующих норм к новым условиям человеческого бытия;
- в) наполняясь принципиально новым содержанием, смысл которого прямо противоречит предшествующему [см. подробнее Перов, 2013].

Наглядным примером может случить требование «не укради», фактическое содержание которого напрямую зависит от господствующих в соответствующий исторический период пониманий экономических и юридических отношений собственности, поскольку украсть можно лишь то, что находится в чьей-то собственности. Но если речь идет, например, о рабстве (как исторически существовавшего права собственности на другого человека), то «отнимание» человека у рабовладельца (собственника) в зависимости от культурно-исторического периода могла рассматриваться как кража (морально осуждаемый и наказуемый поступок) и освобождение (морально одобряемый и поощряемый поступок).

Во-вторых, говоря о современности в нравственном отношении, то можно отметить, что она сформировала следующую основную нравственную ценность: свободного и автономного индивида, в том смысле, что «по умолчанию» предполагается, что каждый человек, будучи разумным индивидом, в состоянии самостоятельно выбирать правильный способ своей жизни, а значит и собственные нравственные цели, идеалы, нормы и ценности, а так же стратегию нравственного поведения. При этом важным оказывается то, что в этом отношении свободы самоопределения предполагается принципиальное равенство индивидов. «Моральная идеология» современного общества предполагает, что никакое благо не может быть навязано человеку кем-либо, помимо его воли. Проблема состоит в том, что индивидуальные представления «что такое хорошо или что такое плохо» могут вступать в конфликты и противоречия друг с другом, затрудняя формирование представлений об общих нормах и ценностях, без которых невозможна никакая совместная деятельность. Именно такая теоретико-методологическая позиция является основанием этики дискурса Ю. Хабермаса:

«Вступая в моральную дискуссию, ее участники развертывают в рефлексивной установке свои коммуникативные действия с целью восстановления нарушенного консенсуса. Следовательно, аргументированные моральные дискуссии служат улаживанию конфликтов на базе консенсуса. Конфликты в области, регулируемой нормами интеракции, бывают напрямую вызваны нарушениями нормативного согласия. Восстановительные действия могут, следовательно, состоять лишь в том, чтобы обеспечить интересубъективное притязание на значимость, которое сначала представлялось спорным, а впоследствии уже не вызывало проблем, или другому притязанию, выдвинутому вместо первого» [Хабермас, 2000: 106].

3. Специфика нравственного конфликта

В предельно общем виде под нравственным конфликтом понимается антагонизм между двумя и более положительными (отрицательными) моральными нормами/ценностями «жизненных миров» действующих субъектов. Следует отметить, что в контексте данных рассуждений нравственный конфликт следует отличать от «морально проблемных ситуаций» (см. ниже), которые могут быть представлены, во-первых, в виде «морального выбора», во-вторых, в качестве «моральных дилемм».

1. Моральный выбор в указанном выше дескриптивном значении традиционно рассматривается как выбор между «добром» и «злом», а в ценностно-нормативном — как выбор чего-то морально положительного и правильного («добра»). Нравственный конфликт является частным случаем морального выбора, так это выбор между «добром» и «добром» («зла» или «зла», в случае выбора меньшего «зла»). Нравственный конфликт как особый случай морального выбора может возникать как в отношениях разных субъектов, так в поступках одного субъекта, когда происходит столкновение его морально обоснованных «жизненных миров» ценностей. Таким образом, всякий нравственный конфликт есть моральный выбор, но не всякий моральный выбор является ситуацией нравственного конфликта.

2. Негождественность нравственных конфликтов и моральных дилемм кратко можно описать следующим образом. Термин «дилемма» применительно к моральным ситуациям может вводить в заблуждение, так как предполагает исключительно рационально-логические средства их разрешения. Оставляя в стороне вопросы о проблеме сущего/должного и об особенностях современных концепций в области деонтической логики, логики норм, логики ценностей и т.д., следует отметить, что проблематичность рационально-логического обоснования моральных норм и ценностей не означает отсутствие обоснования вообще. Известны знаменитые рассуждения Д. Юма, с именем которого как раз и связана знаменитая «гильотина Юма» о невыводимости нормативных суждений из знания о мире, и, как следствие, идея о принципиальной «алогичности» как самой нравственности, так и моральных рассуждений:

«Я ни в коей мере не вступлю в противоречие с разумом, если предпочту, чтобы весь мир был разрушен, тому, чтобы я поцарапал палец. Я не вступлю в противоречие с разумом и в том случае, если решусь безвозвратно погибнуть, чтобы предотвратить малейшую

неприятность для какого-нибудь индийца или вообще совершенно незнакомого мне лица. Столь же мало окажусь я в противоречии с разумом и тогда, когда предпочту несомненно меньшее благо большему и буду чувствовать к первому более горячую привязанность, чем ко второму» [Д. Юм, 1996: 458–459].

В данном случае речь идет только о познающем, теоретическом разуме, а не о морально-практическом. Аналогичные рассуждения можно встретить и в этике XX в., в частности, в концепции Г. Йонаса:

«Однако в представлении, что когда-то человечество прекратит существование, нет никакого противоречия, так что никакого противоречия нет и в том представлении, что счастье нынешнего и следующего поколений может быть куплено ценой несчастья или даже несуществования последующих поколений, как и в том, что, наоборот, счастье и существование последующих поколений может быть куплено ценой несчастья, а частью — даже и уничтожения поколения нынешнего. Рассуждая логически, жертва будущим ради настоящего несколько не уязвимее, чем жертва настоящим ради будущего» [Йонас, 2004: 57–58].

Но указанные обстоятельства не означают, что логическая рациональность, неприменима к решению моральных проблем, речь идет о том, что в контексте проблемы сущего-должного её недостаточно в вопросах обоснования моральных норм и ценностей, которая отличается от процедуры их объяснения:

«Обоснование морали — теоретическая процедура, благодаря которой в этике пытаются доказать необходимость исполнения моральных требований (часто каких-то определенных) каждым человеком. В отличие от простого познания явлений нравственной жизни, скажем, от описания нравов, процедура обоснования предполагает определение того, почему каждый отдельный индивид заинтересован в том, чтобы быть нравственным, что дает ему мораль для улучшения качества жизни. Таким образом, процедура обоснования морали претендует не только на то, чтобы доказать, что человек должен быть нравственным (например, потому, что в противном случае он будет осужден общественным мнением, будет испытывать угрызания совести), но и на то, чтобы убедить его в том, что он именно хочет быть нравственным» [Разин, 1999: 54–55]

Для понимания особенностей нравственного конфликта следует сформулировать его сущностные характеристики:

1. Нравственный конфликт существует только в сфере нравственных отношений. Данное утверждение выглядит тавтологично, но подчерки-

вадет очень важное обстоятельство о том, что противоречащие нормы и ценности являются именно моральными, то есть относящимися к сфере нравственности, даже в том случае, когда они выступают в качестве выражения политических, экономических, социальных и др. отношений, то последние обосновываются в виде морально значимых. Это означает, что для определения существа конфликта необходимо сформулировать находящиеся в антагонизме нравственные нормы и ценности.

2. Антагонизм носит казуальный характер. Это означает, что моральные нормы/ценности «жизненных миров» и стратегий поведения являются в общем виде совместимыми друг с другом, но вступают в непримиримое противоречие в особых ситуациях.

3. Конфликтующие моральные нормы/ценности являются соизмеримыми по своей значимости и «удельному весу» для жизни человека или общества, в связи с чем, невозможно определить их универсальную (т.е. для всех возможных случаев) приоритетность в конкретных исторических социально- культурных условиях.

4. Нормы/ ценности являются морально обоснованными, т.е. недостаточно указание на их существование, а с необходимостью предполагается аргументация (хотя бы потенциальная) их значимости и оснований признания в качестве действенных в данной ситуации (существующее в современной этике различие между объяснением и обоснованием нравственности). Обоснование, как было показано ранее, означает, что необходимо представить убедительные аргументы для действующего субъекта, что соответствующий данной ситуации поступок является для него морально должным.

5. Конфликтующие нормы/ценности являются формально и содержательно нередуцируемыми друг к другу или к иным моральным нормам/ценностям. Это положение означает, что обоснование решения нравственных конфликтов не может осуществляться исключительно формальными процедурами.

6. Субъектам конфликта невозможно уклониться от участия в его решении, поскольку любое действие или бездействие есть его практическое разрешение, которое должно иметь моральное обоснование (п. 4), если не «до» и «в ходе» конфликта, то *postfactum* (так называемый «императив моральной отчетности»: обязанность предоставлять (или готовность по первому требованию предоставлять) отчет о своих действиях и их мотивах, который должен содержать обоснование разумности, правильности и нравственности действия).

Следует отметить, что указанные характеристики являются «нормативными» или «идеально-типическими» в том смысле, что трудно

сформулировать ситуацию, в которой все они присутствовали бы в равной степени. Тем не менее, в качестве примера можно привести достаточно распространенный сюжет, который стал практически хрестоматийным в современной этике. Родители одновременно получают повышение на работе, которое предполагает существенный рост заработной платы, но требует большей занятости на работе (ненормированный рабочий день, частые командировки и т.д.), что сокращает возможности общения с детьми и их воспитания, при том, что последние находятся в сложном подростковом «переходном» возрасте и нуждаются в повышенном внимании со стороны родителей. Для начала, следует отметить, что «стремление к большему заработку» не является безусловным «моральным долгом» в строгом смысле этого слова, тем более, нельзя однозначно отдать морально обоснованное предпочтение этому стремлению перед долгом по воспитанию детей. Конечно, можно считать, что материально обеспечивать семью это есть «моральная обязанность» родителей, но достаточно очевидно, что ее исполненность/ неисполненность не может быть количественно выражена в размере получаемой заработной платы и сумме, затрачиваемой «на семью». И кто должен сделать выбор между работой и семьей: муж или жена? Если речь идет о традиционном понимании «семейных ценностей», напрашивается ответ, что раз предполагается императив «деньги должен зарабатывать муж», то жена должна заниматься домашним хозяйством, заботиться о муже и воспитывать детей, жертвуя карьерой и работой. Но такие «семейные ценности» являются наследием традиционного патриархального общества, предполагающего предписанное распределение обязанностей в любых, том числе семейных отношениях. В современном обществе упомянутое выше требование морального равенства формирует идею так называемой «партнерской семьи», в которой распределение семейных обязанностей является подвижным и формируется в результате взаимных уступок и согласований. Данное обстоятельство не означает, что существование «традиционной семьи» невозможно в современном обществе, но она является морально оправданной только в случае ее добровольного выбора со стороны обоих супругов. Возвращаясь к рассматриваемому примеру, это подразумевает, что нет тех очевидных моральных правил, на которые могут безошибочно опереться участники конфликта. Эти нормы и поступки в соответствии с ними с должны быть морально обоснованы в ходе его разрешения, что предполагает «моральную отчетность» перед всеми прямыми или косвенными участниками конфликта (супругами, детьми, родственни-

ками, начальством и коллегами по работе и т.д.). Кроме того, важно то, что участники не могут избежать разрешения этого конфликта, и чтобы они не сделали, будет его разрешением, правда, это не означает его положительного разрешения, что требует дальнейшего морально-анализа с учетом всех обстоятельств и результатов.

Выявленная специфика нравственного конфликта позволяет отграничить его от «морально проблемных ситуаций», которые связаны с моральным выбором, но не обладают признаками и характеристиками собственно нравственных конфликтов.

а) «моральные ошибки», в основе которых лежит «незнание» подлинной нравственности или неправильная оценка сложившейся ситуации. Традиция выделения данных морально проблемных ситуаций имеет длительную историю в этике. Так, например, существование моральных разногласий в философии Сократа и Платона объясняется отсутствием подлинного (истинного) знания блага. Обладающий же этим знанием, строго говоря, не знает сомнений и всегда поступает добродетельно по необходимости. Аристотель, отрицающий чистый этический гносеологизм сократовско-платоновской традиции, особое внимание уделяет рассуждениям о поступках «по неведению» и «в неведении», полагая, что добродетельный человек (в отличие от распущенного), даже если совершает порочный поступок, то осознает свои ошибки и способен на раскаяние и исправление. Нет сомнения, что «моральные ошибки» не снимают ответственности с действующего и требуют при оценке тщательного выявления того, что стало ее причиной. Почему человек ошибся? Не знал, потому что не мог знать, или не захотел/поленился узнать? Добросовестно заблуждался или был обманут? Это действительно морально сложные случаи, связанные с сознательным моральным выбором, но они не являются нравственными конфликтами в строгом смысле. Здесь нет антагонизма между различными пониманиями «добра»/«зла», так как поступки обусловлены выбором того, что по ошибке принимается за «добро», вне зависимости от причин этой ошибки.

б) «моральные искушения», когда возникает ситуация, в которой аморальное поведение сознательно рассматривается в качестве допустимого. Человек знает, как морально правильно поступить в данной ситуации, он признает, что нормы (ценности), которым нужно следовать являются подлинно нравственными и обязательными к исполнению. Но в силу определенных причин действующий субъект считает возможным поступиться «моральными принципами». Наиболее распространенная ситуация — это оправдание аморальных поступков стремлением достичь

благой цели. Оправдание заключается в том, что, во-первых, ситуация интерпретируется как подпадающая под исключение из правил (благими целями, которые должны быть обязательно достигнуты), и/или, во-вторых, действующий полагает себя в качестве субъекта, которому в виде исключения позволено нарушить правила в данной ситуации (только он может ее достичь, и только такими средствами). Подобного рода рассуждения характерна для многих нарушителей как моральных, так и юридических норм. Так, предприниматель, давая взятку для получения выгодного контракта для своей компании, оправдывает это благой целью (заказ обеспечит работой сотрудников, они получают зарплату, смогут содержать семью и т.д.), тем, только так он сможет получить этот контракт, потому что в противном случае эту взятку даст кто-то другой и т.д. И берущий взятку рассуждает похожим образом («я же обеспечил их работой и доходом, и должен за это получить вознаграждение», «я это заслужил тяжким трудом, а мне семью кормить», «если не я, то другие возьмут», и т.д.). При этом и взяткодатель и взяткополучатель знают, что давать/получать взятки аморально и незаконно, но сознательно идут на это, и используемые ими «моральные аргументы» не делают коррупцию морально и юридически оправданной. Данная ситуация не может рассматриваться как нравственный конфликт, так как это есть выбор между морально положительным и морально отрицательным поведением (т.е. выбор между «добром» и «злом»), но в ней действующий сознательно выбирает «зло», пытаясь найти этому моральное оправдание.

в) «моральные затруднения», которые связаны с теми усилиями, которые требуются для того, чтобы «быть нравственным». Часто это называют «конфликтом между долгом и склонностью». В отличие от рассмотренных ранее «моральных искушений» в данном случае речь идет не о сознательном выборе «зла» (аморального поведения), а о тех трудностях, которые возникают при осуществлении морально правильных действий. Моральные нормы, регулируя поступки и отношения между людьми, что-то требуют, разрешают, запрещают. В случае требования они превращают совершение определенных поступков в моральный долг, от совершения которых нельзя отказаться по морально обоснованным причинам, в то время как запрещающие нормы существенно ограничивают морально оправданный выбор. Моральные ценности определяют наш выбор, мотивируя отдавать приоритет одним желаниям и предпочтениям, зачастую отказываясь от других. Но возникают ситуации, когда в силу каких-то обстоятельств целесообразности, удобства, экономии сил и т.д. происходит отказ от морально-должного поведения. Чаще всего это проявляется

тогда, когда люди не совершают морально одобряемые действия. Так, предполагается, морально правильно заботится о других, оказывать им помощь и т.д., но при этом нельзя утверждать, что любой отказ от помощи и заботы поведение следует считать аморальным в строго смысле этого слова, особенно, если это не принесло какого-то ущерба. Данный случай также не является ситуацией нравственного конфликта, поскольку в качестве одной из сторон выступают неморальные факторы, то есть выбор осуществляется не в сфере нравственности, а в отношении того поступать или не поступать нравственно.

г) «морально экстремальные ситуации», которые представляют собой выбор под внешним давлением. Это может быть, например, угроза жизни. Одним из часто обсуждаемых является сюжет романа У. Стайрона «Выбор Софи», в кульминационный момент которого главная героиня (Софи), оказавшись в нацистском концентрационном лагере была поставлена перед выбором, кого из ее детей (сына Яна или дочь Еву) отправят на смерть. Сделанный ею выбор, оставивший в живых сына, нельзя назвать моральным выбором, поскольку не базируется на моральных основаниях. Несмотря на то, что эти ситуации сопряжены с тяжелыми морально-психологическими и экзистенциальными переживаниями, их нельзя отнести к нравственным конфликтам, так как любое принимаемое решение не является морально обоснованным результатом. Другим примером «морально экстремальных ситуаций» являются действия в обстоятельствах, которые невозможно изменить и которые могут быть охарактеризованы как «обстоятельства непреодолимой силы». Наиболее известной этической моделью является разработанная в 1960-е годы Ф. Фут сценарий про вагонетку (trolleyproblem). Суть ее в следующем: «По путям по направлению к стрелке движется поезд. За стрелкой на одном пути пять человек, на другом — один. Никто из них не может покинуть пути. Вы можете переключить стрелку, направив поезд на один из путей. Как в данной ситуации нужно поступит морально правильно?». В многочисленной исследовательской литературе по так называемой «вагонеткологии» ситуация усиливается различными дополнительными «вводными», например, возможностью сбрасывания толстяка на рельсы для остановки поезда. Но, несмотря на то, что многочисленные исследования сформулированных по модели «вагонетки» сюжетов обладают определенным эвристическим потенциалом как в области теоретической, так и прикладных этик (например, при разработке программного обеспечения с элементами искусственного интеллекта для «беспилотных» транспортных средств, так на-

зываемая «мораль машин»), экстремальность ситуации не позволяет совершать осмысленный моральный выбор. В подобных безвыходных положениях люди часто действуют наугад, поскольку ни одна из альтернатив не является морально приемлемой. Не случайно, сама идея «обстоятельств непреодолимой силы» как бы «выводит» субъекта из-под действия существующих правил, «переводя» его в другую нормативную реальность. Справедливости надо отметить, что если речь идет не об обычном человеке, а о профессиональном стрелочнике, то и его действия будут определены не собственным моральным выбором, а положениями «должностной инструкции». И в этом случае как раз возможные сомнения и колебания, а в результате неисполнение профессионального долга аморально. Таким образом, следует констатировать, что «морально экстремальные ситуации» не являются нравственными конфликтами, так как их решения находятся вне сферы морали.

4. Основные способы аргументации в нравственных конфликтах

Представив специфику нравственных конфликтов, следует рассмотреть возможные основания и способы моральной аргументации принятия моральных решений. Выше были изложены основные причины существования нравственных конфликтов, которые кратко могут быть сформулированы следующим образом:

1. Многообразие социально-исторических контекстов происхождения моральных аргументов, которые в прошлом составляли часть социальных норм и ценностей, теория и практика которых сочетались и играли свою роль в отсутствующем в настоящее время контексте. В качестве примера можно привести упомянутые выше «семейные ценности» традиционного патриархального общества, что усиливается и поликультурализмом современности (традиционность как моногамных, так и полигамных семей).

2. Появление ряда значимых для существования человека и общества проблем, морально оправданные решения которых не могут быть удовлетворительным образом прямо основаны на признанных общественно- исторической практикой моральных нормах и ценностях. Наиболее показательными в данном контексте являются проблемы, связанные с развитием науки и технологий: клонирование, трансплантация органов, генетические исследования, инфор-

мационные технологии и т.д. В силу новизны таких проблем предшествующий исторический моральный опыт не может дать непосредственные ответы, что требует аргументировано обоснованных способов принятия решений, связанного или с переинтерпретацией существующих норм и ценностей, или с выработкой новых.

3. Доводы и основания в нравственных конфликтах в силу универсализации морали претендуют на роль «внеличностных» рациональных аргументов, что приводит к существованию рационально несоизмеримых друг с другом конкурирующих моральных «жизненных миров». Это находит свое выражение и в многообразии нормативных этических концепций, которые, с одной стороны, предполагают различные способы морального обоснования, с другой — альтернативные способы разрешения моральных конфликтов.

Не имея возможности рассмотреть большинство существующих этических концепций, имеет смысл остановиться на основных, которые будут рассмотрены с предельно обобщенном виде, отвлекаясь от многочисленных исторических и современных дискуссий в целях выявить характерные для них особенности аргументации: этика общего блага (целесредственная этика утилитаризма (от лат. *utilitas* — польза) и этика моральных прав (деонтологический подход (от греч. *deon* — должное, долг, в связи с чем термин деонтология часто используется для обозначения профессиональной этики как «этики профессионального долга»). Данный выбор концепций обусловлен следующим обстоятельством).

Во-первых, в современных теоретических, прикладных и профессиональных этиках эти нормативные концепции являются доминирующим. Остальные теоретические теории, такие как, этика справедливости, этика добродетелей, этика ответственности и т.д., хотя обладают самостоятельностью и не могут быть редуцируемы к ним, не только учитывают, но и во многом опираются на них в своих построениях.

Во-вторых, именно эти подходы, взаимно ограничивая друг друга, являются источниками основных нравственных конфликтов.

В-третьих, потенциальная конфликтогенность данных подходов находит свое отражение и в других нормативностях, например, в праве. Так, в Конституции РФ есть положения «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства» (Конституция РФ ст. 2) и «В Российской Федерации не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина» (Конституция РФ ст. 55, п. 2), что являет-

ся выражением деонтологического подхода в этике и есть норма «Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства» (Конституция РФ ст. 55, п. 3), которая особенно в части защиты основ конституционного строя и обеспечения обороны страны и безопасности государства соответствует идеям этики общего блага.

4.1. Этика общего блага (утилитаризм)

В предельно обобщенном виде утилитаризм можно определить как теорию этики, согласно которой действие является морально правильным, если оно приносит или имеет тенденцию приносить наибольшее благо (пользу, добро, счастье, удовольствие и т.д.) для наибольшего числа людей, на которых распространяется влияние этого действия. Полезность как один из критериев нравственного и добродетельного поведения была известна ещё с античности, но в строгом смысле слова как целостная этическая концепция утилитаризм был сформулирован в начале XIX в. И. Бентамом, был развит Дж.Ст. Миллем и Г. Сиджвиком и имеет многочисленных последователей в современной этике, одним из которых является основоположник биоэтики В.Р. Поттер. Именно Бентамом был сформулирован главный принцип утилитаризма: «наибольшее счастье для наибольшего числа людей», в связи с чем, некоторые его версии и могут быть интерпретированы как «этика общего блага». При таком понимании появляется возможность избежать неоправданного отождествления этики утилитаризма с индивидуалистическим эгоизмом и обыденным негативным пониманием стремления к материальной наживе, так как критерием положительной нравственности выступает именно счастье, а не материальная выгода, большинства, а не счастье самого действующего, поскольку он может оказаться как принадлежащим к «осчастливленному» большинству, так и остаться в меньшинстве.

Будучи разновидностью целесредственной и консеквенциональной этики (этики последствий), утилитаризм как этика общего оказывается во многих случаях очень удобной для рационального обоснования моральных норм и ценностей. Это обоснование может быть сформулировано как оценка возможных «выгод и затрат», то есть оценке того, заслуживает ли достижение планируемой цели (блага, счастья

и т.д.) тех усилий, которые требуются для ее достижения, и в том случае, если первое (благо) перевешивает второе (усилия), то есть основания считать действие морально оправданным. Таким способом можно объяснить многие, если не большинство моральных норм и ценностей. Почему существует запрет на убийство? Потому что если люди будут убивать друг друга, то никто не будет чувствовать себя в безопасности и человечество может быть уничтожено. Почему нельзя лгать? Потому что это подорвет доверие между людьми и сделает практически невозможной совместную деятельность людей, что поставит под угрозу существование людей, так как в одиночку человек не в состоянии удовлетворять свои базовые потребности. Почему родители должны заботиться о детях? Чтобы в случае болезни или старости дети заботились о родителях. А почему они должны это делать, в чем их польза? Польза в том, что глядя на это, их дети научатся вести себя морально правильно в будущем и будут в свою очередь заботиться о них, и т.д.

Говоря о преимуществах этики общего блага следует отметить и возникающие в рамках данного подхода проблемы. Возможно, что высказанные выше аргументы обоснования моральных выглядят упрощенными и тривиальными, но это не отменяет их практическую ответственность. С другой стороны, такие упреки в какой-то степени можно признать справедливыми. Одна из самых главных проблем утилитаризма как этики общего блага заключается как раз в определении того, что этим благом является (данная проблема является очень актуальной для этики, в том числе и с учетом исторической изменчивости содержательных характеристик благ, но ее рассмотрение выходит за пределы обсуждаемой темы). Ситуация осложняется обозначенной в предыдущих рассуждениях ценностно-нормативным плюрализмом современного общества, что затрудняет, а зачастую делает невозможным однозначную иерархию моральных норм и ценностей. В результате проблематично определить не только морально-должное, но и предпочтительные способы поведения, что и проявляется в нравственных конфликтах. Что является морально правильным пониманием родительского долга и заботы: зарабатывать больше денег или уделять внимание детям? Чему нужно отдать приоритет, а чем можно «пожертвовать» в подобных случаях? Конечно, ответ на этот вопрос требует более детального анализа реально сложившегося нравственного конфликта, но в рамках этики общего блага сформулированы общие критерии, которые могут быть использованы в качестве аргументов при принятии решения. Это критерии с позиции «утилитаризма действия» (act-utilitarianism) и «утилитаризма норм» (norm-utilitarianism)

1. Утилитаризм действия. «Какое-либо действие является морально правильным в том и только в том случае, если суммарный благой (полезный, добрый и т.д.) результат этого действия превышает суммарный благой результат любого другого действия, которое могло бы быть совершено вместо действия первого».

Данная формулировка прежде всего направлена на то, чтобы избежать интерпретации существующего в утилитаризме анализа «выгод и потерь» в виде сомнительного в моральном отношении принципа «цель оправдывает средства». Это означает, что не всякое действие, которое предполагает «увеличение» блага и его «превышение» над возможными затратами и «жертвами» является морально оправданным, а только те, которые являются наилучшими из всех возможных альтернатив, или же оказываются так называемым «крайним средством», когда другие варианты исчерпаны. Последнее относится, например, к применению насилия, то есть насилие во всех его формах, может быть морально оправдано в том и только в том случае, когда все остальные способы решения проблемы или конфликта исчерпаны или гарантировано (!) не приведут к положительному результату. При этом существенным обстоятельством является то, что часто используемые в случае применения насилия аргументы об его «эффективности», «простоте» и «быстрой достижимости» не являются моральными аргументами, а значит, не могут рассматриваться в качестве его морального обоснования. К сожалению, очень часто насильственные действия, особенно в качестве реакции на происходящие акты насилия или направленные на борьбу или предотвращение будущего потенциального насилия, воспринимаются как нечто самоочевидное и тем самым, как бы морально оправданное. Но как справедливо любил повторять один из персонажей романа А. Азимова «Установление» (в некоторых русских переводах — «Основание») С. Хардин «Насилие — последнее убежище некомпетентного», то есть того, кто «цепляется» за то, кажется очевидным, не будучи в состоянии проанализировать возможные альтернативы (кстати, некоторых русских переводах эта фраза переводится лингвистически неправильно, но при этом «подчеркивается» дополнительный аспект: «Насилие — это прибежище беспомощного»). Сказанное означает, что «безальтернативность» насилия, нуждается в специальном, в том числе моральном обосновании (упомянутая ранее «моральная отчетность»), в том числе с точки зрения всех, не только ближайших, но и отдаленных последствий с учетом различных сценариев развития событий.

Существенной сложностью, с которой сталкивается «утилитаризм действия» это проблематичность или даже невозможность в реальных ситуациях оценить все существенные прямые и косвенные последствия совершаемых действий. Это относится как индивидуальным, так и социальным действиям, например, очень трудно предвидеть все достоинства и недостатки результатов политических решений или принимаемых законов, даже если они были вызваны к существованию бесспорными благим намерениями. И в этом случае в качестве дополнительных аргументов могут быть использованы положения «утилитаризма правил».

2. Утилитаризм правил:

«(а) какое-либо действие является морально правильным в том и только в том случае, когда обязанность совершить его предписано корректными нормами морали;

(б) норма морали корректна в том и только в том случае, когда потенциально для всех подобных ситуаций суммарный благой (полезный, добрый и т.д.) результат оказывается выше, чем суммарный благой результат в результате следования альтернативной норме».

В качестве кратких комментариев стоит отметить следующее:

1) в данном случае решение принимается не о конкретном действии и его достоинствах и недостатках, а о тех нормах, которые применимы для разрешения данной ситуации;

2) речь идет не о морально желаемых, а о морально обязательных действиях. Данное различие так же требует специального рассмотрения, но в общем виде оно хорошо иллюстрируется на примере благотворительности, участие в которой является морально желаемым и одобряемым, но не является моральной обязанностью и порицание за неучастие в благотворительных акциях морально неоправданно;

3) оценка полезности касается не действий, а применяемых норм. Это означает, что:

3.1) данная норма должна быть сформулирована в виде нормы, то есть правила как руководства к действию;

3.2) данная норма универсализируема, то есть применима не только к данной, но и ко всем подобным ситуациям (при этом следует отметить, что установление факта этого подобия нуждается в специальном обсуждении). Так, например, обязанность не сообщать информацию, полученную в результате осуществления профессиональной деятельности (врачебная тайна, адвокатская тайна и т.д.), носит не безусловный характер, при этом не только касается исключительно представителей соответствующих профессий, но и относится к юридически и этически нормативно определенным случаям;

3.3) полезность нормы оценивается не применительно к данному конкретному случаю, но для всего общества или отдельной сферы социальной или профессиональной деятельности, а так же, в отношении альтернативных норм. Так, даже если разрыв, например, адвокатской тайны может казаться полезным в какой-то ситуации, это может иметь результатом нанесение ущерба авторитету адвокатской профессии, что будет иметь негативные последствия для возможностей оказания ими правовой помощи и достойного участия в осуществлении правосудия.

При всех многочисленных достоинствах утилитаризма как этики общего блага при решении нравственных конфликтов предлагаемые в его рамках аргументативные процедуры принятия морально обоснованного решения сталкиваются с непреодолимыми трудностями, самой существенной из которых является моральная допустимость безусловного приоритета блага большинства. Конечно, если представить себе некую идеальную ситуацию, когда формула «наибольшее благо для наибольшего числа людей» означает равные блага для всех без исключения при полном равном распределении всех «тягот и лишений», то данный подход, возможно, считался бы универсальным способом нормативного обоснования морали. В реальности социальное неравенство обуславливает неравномерность в вопросах распределения «выгод и затрат» (то есть блага получают одни, затраты несут другие), что с неизбежностью приводит к доминированию большинства, которое ради обеспечения собственного благополучия как в материальном, так и в моральном плане, теми или иными способами ущемляет интересы находящихся в меньшинстве, что принципиально не противоречит моральным идеям утилитаризма как этики общего блага. И определенным ограничением такого возможного положения дел выступают моральные критерии, которые сформулированы в рамках деонтологического подхода.

4.2. Этика моральных прав (деонтологический подход)

В настоящее время существует большое количество этических концепций, которые могут быть определены как деонтологические, но об этике моральных прав можно говорить как об основной альтернативе утилитаризму как этике общего блага (хотя исторически сам термин «деонтология» был придуман основоположником утилитаризма И. Бентамом). Базовым концептом является понятие прав:

«Человек обладает правом, если в его исключительной компетенции действовать определенным образом, обладать чем-то или вступать с кем-либо в некоторые отношения».

Важно подчеркнуть, наличие у кого-то желания или заинтересованности в совершении действий, обладании или отношениях не является достаточным основанием для возникновения морального права на всё это. Поэтому утверждение, что «я имею моральное право на что-то, потому что я хочу этого и сделать это в моих интересах» является морально неправильным.

Моральные права — это права, которыми обладают все люди только потому, что они являются людьми, и они равны в обладании ими. В политико-юридическом значении моральные права находят свое частичное выражение в виде «прав и свобод человека», обращение к которым оказывается очень удобным в качестве примеров. Следует отметить, что в ходе дальнейших рассуждений не будут рассматриваться вопросы о «естественности» моральных прав, поскольку сформулированное ранее определение нравственности подразумевает их историчность, и их существование и обладание ими обусловлено соответствующей социально-исторической реальностью, а так же политическими и правовыми институтами, кроме того вне анализа останутся многочисленные этические аспекты различных «поколений прав человека» (политические, социально-экономические и т.д.), которые, в том числе, являются источниками нравственных конфликтов.

В качестве наиболее существенных дескриптивных характеристик моральных прав можно выделить следующие:

1. Моральные права обеспечивают возможность индивидуального автономного и равноправного выбора цели. Речь не идет об абсолютной свободе, а лишь о том, что в той сфере, которая ограничена правами и свободами других людей, а так же деятельностью социальных институтов и т.д., человек принимает самостоятельные моральные решения, и всякое принуждение со стороны других лиц или общества морально недопустимо.

2. Моральные права связаны с обязанностями, в том смысле, что если кто-то обладает моральным правом, то другие люди обязаны признавать это право, но эти обязанности не являются безусловными.

Во-первых, данное положение не означает, что это признание предполагает обязанность морального одобрения, как это часто ошибочно полагают. Так, например, наличие у кого-то допустимой в обществе точки зрения не означает ее моральную правильность, а только допустимость, как бы тавтологично это не звучало. В качестве иллюстрации можно вспомнить известную фразу, авторство которой приписывается многим историческим деятелям: «Я не согласен с Вашей точкой зрения, но готов отдать жизнь за Ваше право ее отстаивать».

Во-вторых, наличие морального права само по себе не предусматривает обязанность его реализации, в том смысле, что кто-то обязан делать то, на что он имеет право. Например, «Каждый вправе определять и указывать свою национальную принадлежность. Никто не может быть принужден к определению и указанию своей национальной принадлежности» (Конституция РФ, ст. 26, п. 1), или «Каждому гарантируется свобода мысли и слова» (Конституция РФ, ст. 29, п. 1), и при этом «Никто не может быть принужден к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них» (Конституция РФ, ст. 29, п. 3). Иными словами, никто не может быть ни принужден к пользованию своими моральными правами, ни осужден за отказ от них, что выступает основанием для следующей их характеристики.

3. Моральные права образуют нормативную основу для оправдания образа действий одних лиц и для защиты и помощи другим лицам. Данное положение означает, что:

во-первых, если человек принял решение в сфере своей моральной компетентности, то он не может быть за это наказан в плане ограничения его прав (например, лишение личной свободы, собственности, свободы слова, так называемой «свободы совести» и т.д.);

во-вторых, вмешательство в сферу моральной автономии и препятствование в реализации прав является не только морально недопустимым, но должно пресекаться и наказываться (в случае, если эти права закреплены в законах, то должно применяться морально оправданное юридическое наказание, в том числе и связанное с лишением свободы и ограничения определенных законом прав).

Для понимания специфики этики моральных прав в рамках деонтологического подхода стоит сравнить ее ключевые моменты с утилитаризмом как этикой общего блага.

(1) Для всех деонтологических концепций характерно постулирование самоценности существующих норм и обязательности следования им вне зависимости от возможных последствий, в то время как утилитаризм является консеквенциональной этической теорией. Квинтэссения такой позиции нашла своё выражение в известных фразах, например, «*pereat mundus et fiat justitia*» (пусть погибнет мир, но свершится правосудие — лат.) или «делай, что должен, и будь, что будет». В связи с этим, мотивом поведения выступает не стремление к достижению благой цели, а осознание нормы в качестве долга, обязательного для исполнения.

(2) Неконсеквенциональный характер этики моральных прав означает, что наличие морального права не имеет необходимой и устой-

чивой связи ни с личным, ни с общественным благом. Данное положение может быть интерпретировано в следующих аспектах.

Во-первых, наличие права действовать определенным образом, обладать чем-то или вступать с кем-либо в некоторые отношения вовсе не означает, что все перечисленное является нужным, желаемым, полезным или благим в каком-то смысле как для самого действующего, так и для остальных людей, включая всё общество. Так, например, право на создании семьи в полном соответствии с существующим законодательством не означает ни наличия желания (речь в данном случае не идет о выражении добровольного согласия на момент заключения брака, а о том, что у каждого в принципе не обязательно должна быть потребность и/или желание вступить в брак), ни обязательной пользы и/или блага от заключенного данного брака как супругов, так и для других.

Во-вторых, реализация какого-либо права не может порождать какие-либо ожидания, а тем более претензии и требования на преференции в виде дополнительных благ как материального, так и нематериального свойства (например, повышенные заботу, почет, уважение и т.д.). Например, приверженность какому бы то ни было религиозному мировоззрению и соответствующим ему моральным нормам и ценностям в соответствии с положением «Каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними» (Конституция РФ, ст. 28), не подразумевает, что исповедующий данную религию обладают особенностями, в силу которых остальные люди обязаны как-то по особому, например, снисходительно оценивать его поступки. Следовательно, идея о том, что у приверженцев какой-то религии, в том числе и служителей культа, есть какой-то особый привилегированный статус в решении этических вопросов не имеет морального основания.

(3) Своеобразная «безразличность» к благу означает, что при обосновании моральных решений с позиции моральных благ аргументы «от общего блага» не имеют силы. Если представить себе гипотетическую ситуацию, что каким-то образом будет доказано, что установления некой религии в качестве государственной и/или общеобязательной будет способствовать благу большинства, вне зависимости от понимания этого блага, то в рамках в рамках деонтологического подхода данный аргумент не является моральным обо-

снованием. В равной степени, в случае, приверженность большинства населения моральным традициям какой-то религии не влечет за собой морального оправдания придания этой религии преимуществ, поскольку это противоречит этике моральных прав.

Следует отметить, что деонтологическая подход в этике «тяготеет» к формализму (один из его основоположников И. Кант сознательно пытался свести нравственность к формальному «долгу ради долга»), в связи с чем многие деонтологические концепции ограничиваются дескриптивным анализом, уделяя мало внимания содержательным формулировкам самих моральных норм и ценностей. Это, в том числе, объясняется и тем, что, как было показано выше, моральные нормы и ценности не «задаются» человеку, вырабатываются самим свободным и автономным субъектом. Но это не означает, что рассматриваемый подход полностью лишен содержания и конкретных формулировок. Это связано с тем, что:

во-первых, этика моральных прав разрабатывается не только в рамках деонтологических этических концепций;

во-вторых, моральные права, будучи представлены, в том числе, в виде прав человека, являются предметом политических, юридических и социальных теорий и практик, наполняя их определенным содержанием, которое согласно приведенному ранее определению нравственности может принимать моральное значение;

в-третьих, ни одна этическая концепция не может полностью абстрагироваться от содержания реально существующих конкретных норм и ценностей. В связи с этим, не только в моральной философии И. Канта, но и в последующих и современных теориях, основанных на деонтологическом подходе (например, этика дискурса Ю. Хабермаса, теория справедливости Дж. Ролза и др.) сформулированы критерии содержательной нравственной оценки.

Для того, чтобы признать нравственно положительными (одобряемыми) действия, основанные на дескриптивно определенных моральных правах, оно должно соответствовать определенным критериям.

1) действие должно проистекать из автономии человека, что означает:

во-первых, независимость в принятии нравственных решений;
во-вторых, моральное самоопределение человека.

Последнее предполагает:

(а) что даже если человек руководствуется существующими моральными нормами и ценностями, их легитимация (признание в качестве руководства к действию) есть результат сознательно выбора;

(б) в случае отсутствия подходящих для данного случая норм и ценностей человек выступает в качестве автономного (самозаконотворяющего) субъекта, своим решением формирующим новую норму.

2) это самозаконотворчество будет морально положительным, если действие сможет оказаться подходящим для превращения его в последовательно универсальное (включая универсализацию исключений, например, возможное применение насилия в особых случаях и т.д.). Данное положение означает:

во-первых, что причина (например, мотив), по которой было совершено это действие, а так же оно само, может быть признано другими людьми в качестве нормы для руководства к действию в аналогичных ситуациях:

во-вторых, признание за собой морального права поступать в какой-то ситуации определенным образом с использованием разумных, обоснованных и достаточных оснований с необходимостью предполагает точно такое же права у любого другого человека.

3) признание моральных прав означает уважение к другим людям как самоценным и автономным личностям, что предполагает:

во-первых, обязательный учет их моральных прав и интересов при совершении действия, то есть реализация моральных прав одних должна быть совместима с реализацией прав других;

во-вторых, реализация моральных прав не может осуществляться за счёт прав других людей, особенно оно не должно иметь целью ущемление реализации моральных прав других людей. Даже когда это происходит косвенным образом, это не является морально оправданным, так как может превратиться в универсальное правило поведение в соответствии с предыдущим пунктом.

Следует специально отметить, что действие признается положительным в моральном смысле в том, и только в том случае, если оно соответствует всем без исключения перечисленным критериям.

При всех достоинствах деонтологического подхода этики моральных прав существует ряд практически непреодолимых трудностей и внутренних нравственных конфликтов, которые как и в случае с утилитаризмом как этикой общего блага, не позволяют рассматривать его как единственно возможный или хотя бы наилучший способ обоснования моральных решений. К наиболее существенным из них относятся:

1. Деонтологический подход предусматривает не только равенство людей в их моральных правах, но и равенство самих многочисленных моральных прав и связанных с ними обязанностей. Причем

это равенство таково, что невозможно выстроить их универсальную иерархию, которая бы обеспечивала преимущественный выбор в ситуациях нравственных конфликтов. В целесредственных этиках этот вопрос решаем следующими основными способами:

во-первых, предпочительность норм определяется последовательностью действий в соответствии с ними для достижения блага. Иными словами, сначала нужно сделать одно в соответствии с каким-то правилом, потом другое в соответствии с другим и т.д. для достижения результата;

во-вторых, «близостью» нормы к достигаемому благу: чем «ближе», тем она более значима и предпочтительна. В обоих случаях иерархия определяется оценкой возможности достижения цели.

Но при деонтологическом подходе такая оценка исключена по причине отсутствия цели. Что является предпочтительней: свобода слова, свобода совести или свобода собраний? Хорошо, когда они совместимы, а если оказываются в ситуации нравственного конфликта? В упомянутом ранее примере про семью, работу и воспитание детей как раз и видны проблемы равенства моральных прав и обязанностей. Двое взрослых людей осознанно реализовали целый ряд своих моральных прав: создали семью, завели детей, устроились на работу. Вместе с этим они добровольно приняли на себя целый ряд обязанностей: друг перед другом, перед и за детьми, перед коллегами по работе и т.д. Как разрешить возникший конфликт с точки зрения предпочтительного выбора? Деонтологический подход не в состоянии дать однозначный удовлетворительный ответ на такой вопрос.

2. Отсутствие удовлетворительного обоснования мотива для нравственного поведения. Достоинством любой целесредственной этики, к которой относится утилитаризм как этики общего блага, является то, что этот вопрос решается достаточно просто. Зачем быть нравственным, соблюдать нормы морали? Чтобы достичь блага (добра, пользы, счастья и т.д.). Если люди будут нравственными, то достигнут этого, а если не будут — то не обретут блага и будут несчастны. Поэтому быть нравственным разумно и целесообразно. В противоположность этому, деонтологический подход этики моральных прав в силу «безразличия» как к благу, так и к последствиям, вообще не предусматривает постановку вопроса «зачем?», поскольку последний имеет смысл только при телеологическом обосновании. Конечно, еще остаются вопросы «почему» и «как», но ответы на них носят преимущественно объяснительный характер, что недостаточно для обоснования заинтересованности в том, чтобы быть нравственным. В результате оказывается, что декларируе-

мая при таком подходе свобода самоопределения вольно или невольно допускает и «свободу от нравственности».

Сказанное означает, что утилитаризм как этика общего блага и деонтологический подход этики моральных прав, во-первых, взаимно ограничивают друг друга, во-вторых, могут находиться в ситуациях нравственных конфликтов, предлагая несовместимые стратегии обоснования моральных решений, в-третьих, дополняют друг друга, способствуя разрешению внутренних противоречий и преодолению трудностей.

5. Стадии анализа и обоснования разрешения нравственного конфликта

Представленные теоретические рассуждения позволяют сформулировать процедуру анализа и принятия морально обоснованного решения в ситуации нравственного конфликта. При этом важно отметить, что упомянутое в анализе «действие» в реальности может представлять совокупность связанных действий, совершаемых различными людьми на протяжении достаточно длительного времени.

1. Точно обозначьте ситуацию нравственного конфликта, причем старайтесь не трактовать его слишком узко, и обязательно представив формулировки тех моральных норм и ценностей, которые оказались в ситуации непримиримого противоречия, при этом особое внимание следует обратить на то, является ли соблюдение этих норм и стремление к ценностям морально обязывающим или только желательным. В последнем случае сложившуюся ситуацию нельзя признать в качестве нравственного конфликта.

2. Соберите все факты, относящиеся к данной ситуации, а так же определите всех участников конфликта, а так же тех, кто будет принимать участие в разрешении конфликта.

3. Определите всех тех, на кого этот конфликт и планируемое действие (решение конфликта) окажет прямое или косвенное влияние, и кого следует учитывать в вашем анализе.

4. Выявите, какая особенность доминирует в данном нравственном конфликте: общее благо или моральные права? В первом случае, следует применить критерии утилитаризма, во втором — деонтологического подхода (если последнее, то нужно перейти к п. 10).

5. Определите все существенные положительные и отрицательные последствия планируемого действия для тех, на кого оно оказы-

вает непосредственное или косвенное влияние, причем в обозримом будущем вообразите себе различные возможные его результаты и вероятность их возникновения, учтя при этом количество, длительность, близость или отдаленность их наступления, благотворность, бесспорность каждого результата (вида пользы и вида вреда) и относительное значение этих результатов.

6. Суммируйте все положительные и отрицательные последствия, используя критерии «утилитаризма действия» и «утилитаризма норм».

7. Определите, существуют ли другие возможности, кроме как предпринимать или не предпринимать данное действие, и осуществите аналогичный анализ для каждого из других альтернативных действий.

8. Сравните полученные результаты: то действие, которое окажется наилучшим из имеющихся альтернатив, то есть ведет к наибольшему благу для наибольшего числа людей (или минимизирует возможный вред) возможно является морально обоснованным способом разрешения нравственного конфликта.

9. Рассмотрите, не вступает ли планируемое действие в противоречие с моральными правами и связанными с ними обязанностями? Если «да», то следует перейти к деонтологическому анализу.

10. Используя критерии деонтологического подхода определите, можно ли отнести планируемое действие к какому-либо сформулированному и обоснованному моральному праву?

а) если это возможно и налицо лишь одно моральное право и связанная с ним обязанность, то то должно быть выполнено соответствующее действие;

б) если речь идет о действиях, вызывающих сомнения, нужно перейти к п. 11;

в) если на действие распространяется более чем одно моральное право и обязанности, следует перейти к п. 12 или обосновать действие как поддающееся универсализации исключение и перейти к п. 11.

11. Используйте следующие критерии:

а) действие должно проистекать из автономии человека: если нет, то оно аморально, если да, то перейти к следующему критерию

б) действие должно оказаться подходящим для превращения его в последовательно универсальное: если нет, то оно аморально, если да, то перейти к следующему критерию

в) действие должно содержать признание моральных прав других людей: если нет, то оно аморально, если да, то оно имеет основания быть признанным в качестве морально правильного действия.

12. Проверьте, вступает ли данное действие в противоречие или кажется вступающим в противоречие с другими действиями, основанными на моральных правах и связанных с ними обязанностями, в результате, чего все или некоторые эти действия не могут быть исполненными одновременно. В этом случае необходимо рассмотреть аргументы в защиту или против каждого из используемых моральных прав и обязанностей, в том числе, применяя утилитаристский анализ, и те из них, в пользу которых аргументы наиболее убедительны, являются основанием для морально оправданного способа разрешения нравственного конфликта.

13. Установите, является ли планируемое действие морально обязательным или представляет ли оно собою желательный идеал. Если последнее, то такое действие не является морально обязательным.

14. Проверьте, остались ли какие-то неиспользованные на предыдущих этапах аргументы о возможных последствиях, правах и обязанностях, которые могли бы быть подходящими для данного анализа и принятия решения. В случае если такие есть, то следует использовать их для окончательного обоснования морально правильного решения. И то действие, в отношении которого аргументы будут более убедительными, является не только этически оправданным, но и морально должным действием в данной ситуации.

Следует отметить, что представленная процедура анализа и принятия решения носит идеально-типический характер в том смысле, что в реальности далеко не всегда доступны средства и ресурсы для его полноценного осуществления. С другой стороны, полный отказ от его использования приводит к тому, что положительное разрешение нравственных конфликтов становится возможным исключительно случайным способом, что только увеличивает противоречия и усиливает напряженность в обществе.

Литература

1. Йонас Г. (2004) *Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации*. М.: «Айрис-пресс».
2. *Конституция Российской Федерации* (1993)
3. Перов В.Ю. (2013) Проблемы моральной легитимации в современной этике. *Дискурсы этики*. Альманах. 2013. Вып. 4. С. 90–103.
4. Разин А.В. (1999) Исторические тенденции развития морали и проблема ее обоснования *Этика. Новые старые проблемы*. М.: Гардарики. С. 53–72.

5. Хабермас Ю. (2000) *Моральное сознание и коммуникативное действие*. СПб.: Наука.
6. Юм Д. (1996) *Трактат о человеческой природе*. Соч.: в 2-х т. Т. 1. М.: Наука.

Perov, V., Larionov, I.

Argumentation and Moral Conflict

Abstract. *The paragraph is devoted to the definition of moral conflict, as well as the main aspects of the structure and types of moral conflicts. The analysis is based on the proposed distinction between the descriptive and prescriptive-axiological definition of the moral. The main characteristics of the moral conflict are formulated, its specificity and its differences from morally problematic situations of moral choice (moral errors, moral temptations, moral difficulties, morally extreme situations) are defined. The normative grounds for the emergence and existence of moral conflicts, the main strategies of argumentation in moral conflicts are defined. In this context, the focus is on the grounds for the variability of morality, that is, the existence of various normative grounds for moral actions and relationships. The importance of understanding the differences between types of moral conflicts is indicated. The structure of the arguments for the situational analysis of the moral conflict is presented, the grounds for isolating the main participants and the ways of articulating their positions are formulated. The moral arguments “from the common good” (utilitarianism) and “from moral rights” (deontological approach) are considered, the main emerging theoretical problems associated with moral conflicts and features of the argumentation in solving them are described. It is shown that these ethical concepts limit each other’s friend, so they can not be considered universal or preferable, they can be in situations of moral conflicts, offering incompatible strategies for substantiating moral decisions, and also complement each other, helping to resolve the characteristic for them internal contradictions, generating moral conflicts. The main factors that need to be taken into account when developing a decision strategy in a situation of moral conflict are described. The main attention is paid to the specifics of moral conflicts between commensurate but not reducible sets of moral norms and values, formulated the provisions on the reasons for their rational compatibility and incompatibility, that is, whether the differences existing between them are antagonistic, leading to a real and not imaginary conflict, the problems of their priorities and on the grounds for preferring and following one norms and values and ignoring others. As the main result, the procedure of analysis and reasonably justified moral decision for the situation of moral conflict is proposed.*

Key words: *moral conflict, argumentation and moral justification, moral norms, utilitarianism, common good, deontological approach, moral rights.*

Оглавление

Введение (под ред. Е.Н. Лисанюк)	3
--	---

Глава I ПРАКТИЧЕСКАЯ АРГУМЕНТАЦИЯ МЕЖДУ РАССУЖДЕНИЕМ И ДЕЙСТВИЕМ

Действие, норма и ценность в практической аргументации (Е.Н. Лисанюк, Санкт-Петербург)	9
Обоснование прав человека (С.И. Максимов, Украина)	37
Аргументология в морали и праве (В.И. Чуешов, К.В. Чуешов, Беларусь)	47
Аргументация и нравственный конфликт (В.Ю. Перов, И.Ю. Ларионов, Санкт-Петербург)	59
Норма, коммуникация, творчество (И.Д. Невважай, Саратов)	89
Феномен аргументации в современном обществе (А.А. Лазаревич, Беларусь)	118

Глава II АРГУМЕНТАЦИЯ В ПРАВЕ

Формализм и аргументация в российской судебной практике (М.В. Антонов, Санкт-Петербург)	138
Юридическая аргументация (А.К. Соболева, Москва)	159
Легитимность и юридическая аргументация (В.В. Денисенко, Воронеж)	183
Коллизии в праве и их разрешение (В.В. Денисенко, Воронеж)	198
Обоснование по аналогии в конституционно-правовых спорах (П.Д. Блохин, Санкт-Петербург)	212

Глава III

ЛОГИКА НОРМ В АРГУМЕНТАЦИИ

Логическая теория норм (Е.Н. Лисанюк, Санкт-Петербург)	225
Семантика норм (А.Г. Кислов, Екатеринбург)	255
Логические аспекты обоснования в праве (Е.Н. Лисанюк, С-Петербург)	283
Рефлексивные игры в правовой аргументации (А. Шуман, Польша)	301

Глава IV

СТАНОВЛЕНИЕ ПРАКТИКИ АРГУМЕНТАЦИИ В ПРАВЕ

Аргументация в «праве ученых» стран Западной Европы Средневековья и раннего Нового времени (Д.Ю. Полдников, Москва)	320
У. Хофельд и юридическая аргументация (А.А. Гайдамакин, Омск)	342
Язык, логика и аргументация в аналитической философии права Г.Л.А. Харта (С.Н. Касаткин, Самара)	372
Аргументация в герменевтической философии права (Н.И. Сатохина, Украина)	394
Нео-риторика и аргументативная теория права (Е.Г. Самохина, Санкт-Петербург)	410

Глава V

СИТУАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ АРГУМЕНТАЦИИ В МОРАЛИ И ПРАВЕ

Дело Маркина: легитимация правового института и аргументация его решений (И.Б. Микиртумов)	429
Моральная ответственность и нормативность: «казус Брейвика» (В.Ю. Перов)	457
Формализация споров о законодательных инициативах в виде практической аргументации (Г. Праккен, Нидерланды; Перевод Т.А. Крюковой, Е.Н. Лисанюк, К.Г. Фролова)	466
Протагор и Еватл? (Е.Н. Лисанюк)	489

Аргументация в праве и морали

Коллективная монография

Под редакцией Е.Н. Лисанюк

Генеральный директор Н.А. Исаев

Подписано в печать с готового оригинал-макета 4.08.2018 г.

Формат 60х90 1/16, печать офсетная.

Усл. печ. л. 32,37. Тираж 1000 экз. Заказ № 269.

ООО Издательский Дом «Алеф-Пресс».

199155, г. Санкт-Петербург, проспект КИМа, д. 11, к. 44.

www.alef-press.org

тел.: +7(919)200–20–20

E-mail: nikolajisaev@yandex.ru